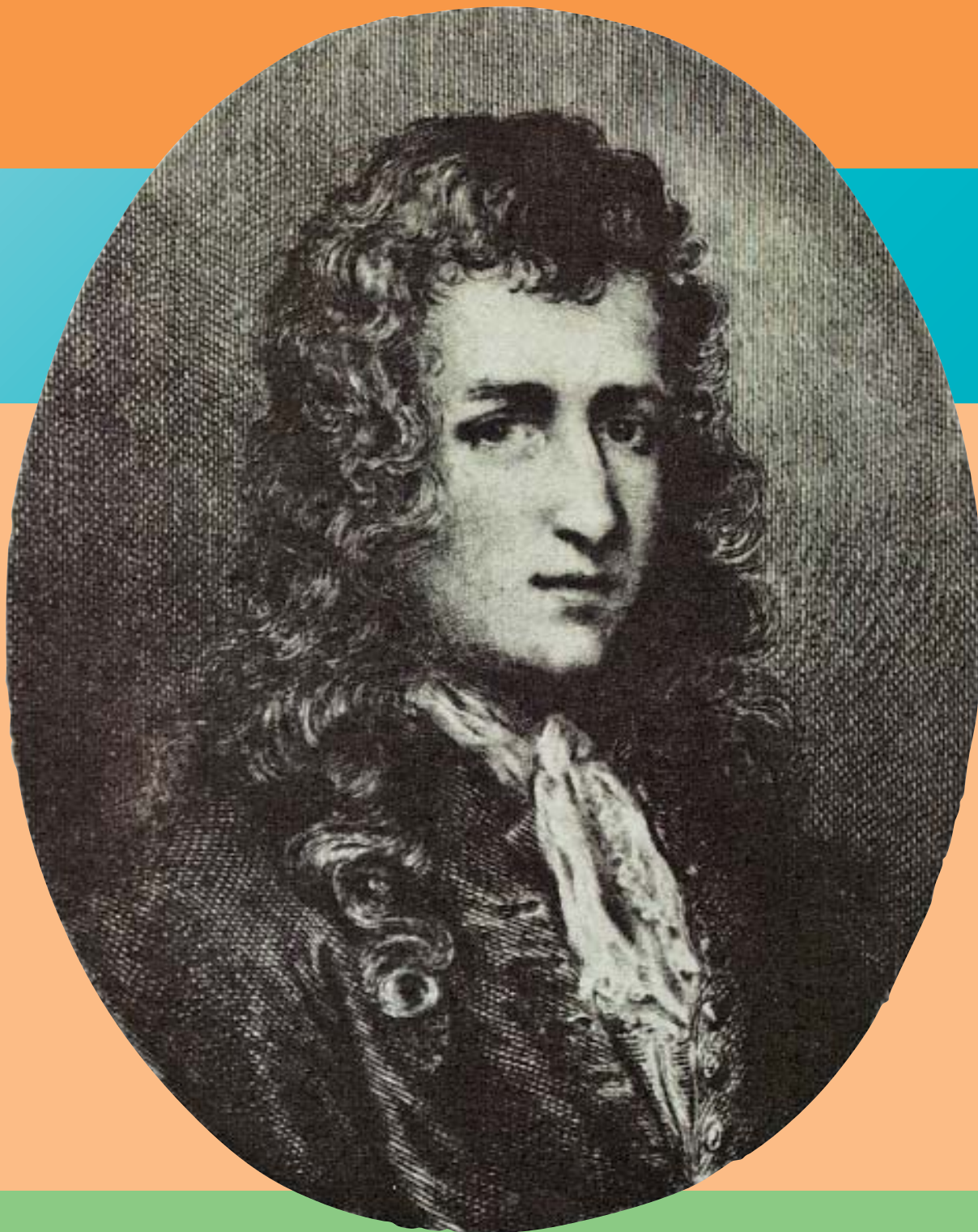

В глубь континента:

Рене-Робер Кавелье де Ла Саль. Гравюра из книги Пьера Маргри «Mémoires et documents...» (1879-1888).*

* Полное название издания: *Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines françaises des pays d'outre-mer. Découvertes et établissements des Français dans l'Ouest et dans le Sud de l'Amérique septentrionale* (1614-1698, 1694-1703, 1683-1724, 1679-1754), 6 vol., 1879-1888.

исследование Северной Америки

Алексей Стрельцов

Часть III. Ла Саль – дитя рока (начало)

Видный французский исследователь Северной Америки Рене-Робер Кавелье де ла Саль родился в Руане (Нормандия) 22 ноября 1643 года. Он происходил из богатой купеческой семьи – отец, Жан Кавелье, торговал оптом галантереей. Дело это было прибыльное, поскольку он смог приобрести для своей большой семьи имение ла Саль (как указывают биографы, братья Жан и Анри Кавелье стремились жить «как благородные», по всей видимости, надеясь, что их дети выйдут «из негоциантов в графы»). Имение он позднее передал своему второму сыну Рене: считается, что тот с раннего детства намного превосходил братьев и сестер, и поэтому родители постарались дать девятилетнему мальчику самое лучшее образование, которое было возможно в то время.

Дело это было прибыльное, поскольку он смог приобрести для своей большой семьи имение ла Саль (как указывают биографы, братья Жан и Анри Кавелье стремились жить «как благородные», по всей видимости, надеясь, что их дети выйдут «из негоциантов в графы»).

Handwritten document snippet showing names and signatures in French script. The text includes names like "Jean-Baptiste de La Salle" and "Marguerite de La Salle".

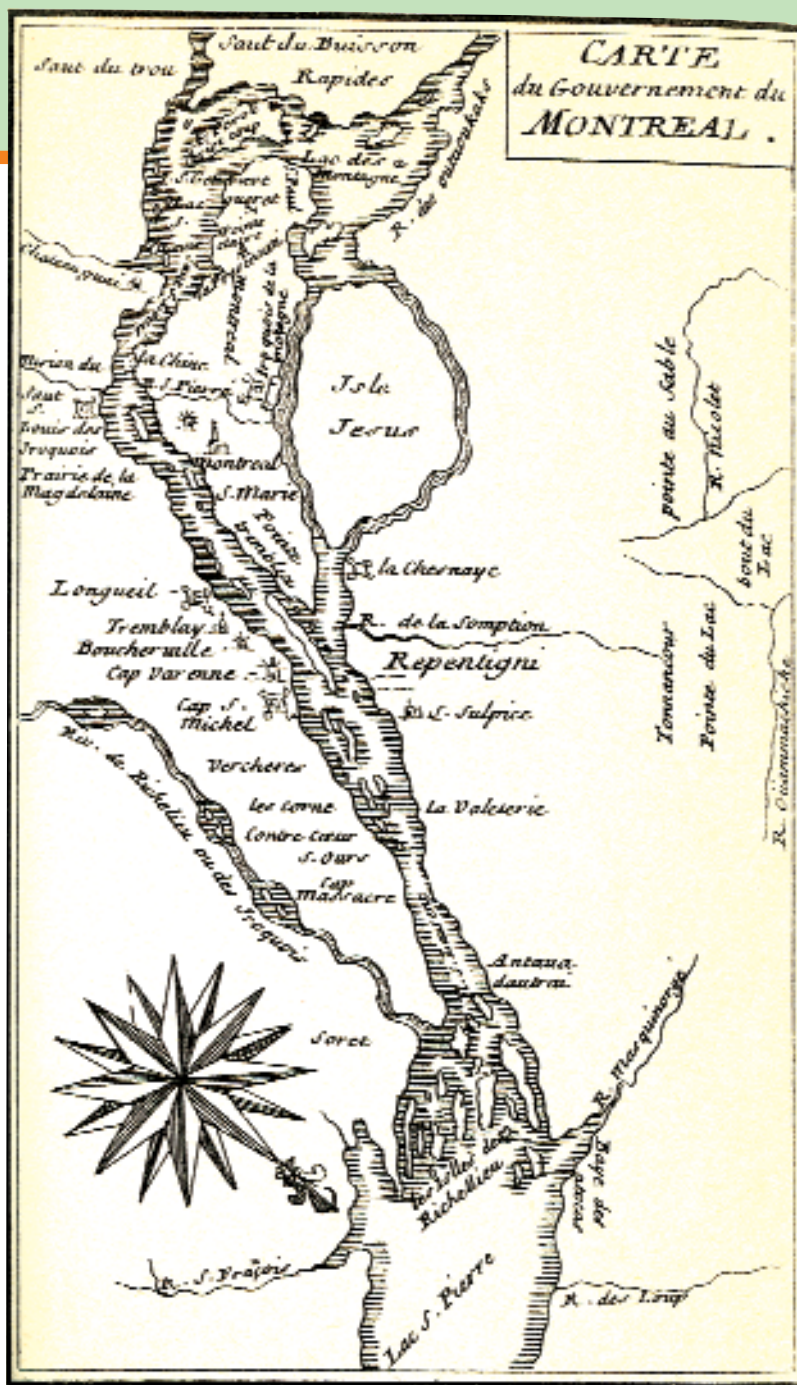
Свидетельство о рождении Кавелье де Ла Салья в Руане.

Карта владений губернатора Монреаля.
Копия рисунка XVII в.

И с этого момента жизнь Рене-Робера начинает напоминать биографии Луи Жолье и Жака Маркетта, поскольку ученические годы всех троих прошли в иезуитских коллегиях. Здесь преподавали не только языки, как «мертвые» – латынь, древнегреческий, древнееврейский, так и «новые» – арабский, испанский, итальянский; но и такие дисциплины, как география, астрономия и навигационное дело. Кавелье хорошо учился, но особенно преуспел в математике. Торговля его не прельщала. Услышав о приключениях Шамплена и других путешественников, юноша решил увидеть новые земли.

Иезуитов часто посылали нести слово Божие в далекие земли, и Рене-Робер решил: в 1658 году он вступил в Орден как послушник, а два года спустя принес обеты. Перейдя в следующий разряд, схоластиков, он продолжил учебу: два года изучал логику и физику в привилегированной иезуитской школе Ля Флеш (в которой до него учился Рене Декарт) – одном из лучших учебных заведений тогдашней Европы; затем в 1663-1666 годах он преподавал в Алансоне, Труа и Блуа.

Учительство не прельщало деятельного молодого человека, наделенного богатым воображением, и Кавелье не скрывал этого. Он был вспыльчивым и властным, за ним закрепилась репутация «трудновоспитуемого», – не лучшая характеристика для иезуита, главной добродетелью которого считалось послушание. Начиная с 1665 года, он дважды подавал прошения направить его миссионером в Китай или Северную Америку, но они были отклонены орденским начальством. В октябре 1666 года Рене-Робер возобновил занятия (на этот раз математикой) в Ля Флеш, но вскоре попросил о переводе в Португалию для подготовки к миссионерской деятельности и вновь получил отказ.

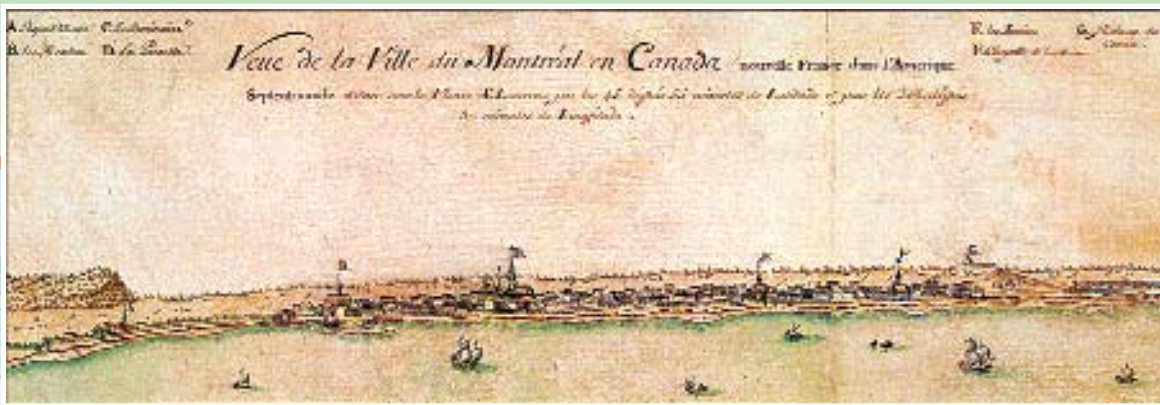

Молодой Кавелье не видел для себя перспектив и решил оставить Орден по причине «нравственной слабости». 27 марта 1667 года его разрешили от обетов.

Обретя желанную свободу, Кавелье одновременно лишился и средств к существованию: зарплаты и выходного пособия иезуитам, ясное дело, не полагалось, а свою долю отцовского наследства Рене-Робер в свое время передал ордену. Он оказался в положении «блудного брата», но, к счастью, родные выделили ему

небольшую сумму (300-400 ливров) «на новую жизнь».

Начать ее Кавелье решил за океаном, в Новой Франции. В пользу этого выбора говорило все: его дядя был пайщиком в «Компании 100 участников», Руан уже много лет был ориентирован на торговлю с Канадой, они входили в одну епархию; и к тому же в 1666 году туда переехал его старший брат Жан-Пьер (младший, Никола Кавелье, стал юристом), член конгрегации Св. Сульпиция в Виль-Мари (нынешний Монреаль). Неудивительно, что этот

Вид Монреаля. Фрагмент карты XVII в.

Обретя желанную свободу, Кавелье одновременно лишился и средств к существованию: зарплаты и выходного пособия иезуитам, ясное дело, не полагалось, а свою долю отцовского наследства Рене-Робер в свое время передал ордену. Он оказался на положении «блудного брата», но, к счастью, родные выделили ему небольшую сумму (300-400 ливров) «на новую жизнь».

Внизу:
План Монреаля. Рисунок XVII в.

PLAN DE MONTREAL
de
1675 à 1687

Визит интендента Талона. Иллюстрация Л.Р. Батчелора. Национальный военный музей Канады, Оттава.

О больших реках к югу от Великих озер Кавелье узнал от индейцев, которые доставляли в его поместье шкуры и меха: помимо земледелия, предприимчивый француз приторговывал пушниной. 9 января 1669 г. он продал свой участок (но оставил за собой дом, который намеревался впоследствии использовать как торговую факторию) первоначальным владельцам, с намерением исследовать земли на юго-западе.

орден сразу же по приезде выделил нашему герою земельный надел в окрестностях города, у порогов Лашин (от фр. la Chine – Китай). Ирония судьбы – Кавелье мечтал посетить эту таинственную страну.

Приехав в Канаду где-то между июнем и ноябрем 1667 года, он начал посещать индейские селения, прилежно изучать туземные наречия, знакомиться с нравами и обычаями местных жителей. В то же время он старался узнать как можно больше о реках и озерах: Кавелье, как и многие его современники, мечтал обнаружить крат-

чайший путь из Атлантического океана в Тихий. По представлению картографов XVII – первой половины XVIII века (преимущественно французских) с запада в умеренных широтах в материк Северной Америки глубоко вдавался обширный залив.

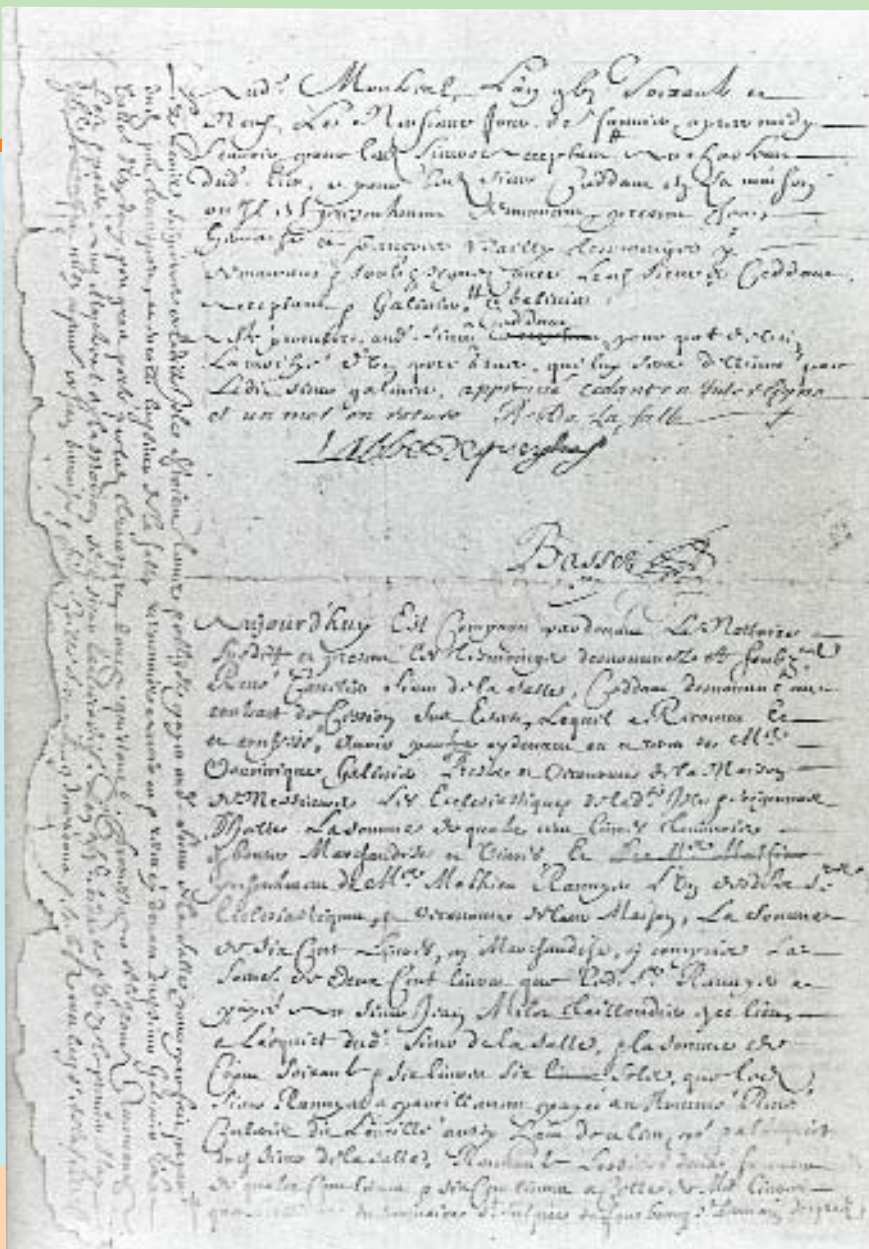
О больших реках к югу от Великих озер Кавелье узнал от индейцев, которые доставляли в его поместье шкуры и меха: помимо земледелия, предприимчивый француз приторговывал пушниной. 9 января 1669 г. он продал свой участок (но оставил за собой дом, который намеревался впослед-

Индейцы ловят рыбу на реке Св. Лаврентия.
Гравюра из книги Антуана Шаламе «Французы в Канаде: (Открытие и колонизация)»
(Париж, 1886 г.)

Летний вечер в деревне (Новая Франция).
Иллюстрация из книги Джона Друри «Наследие Среднего Запада» (1948 г.)

Выписка из акта о выделении Кавелье де Ла Салю земельного участка у порогов Лашин. 1669 г.

ро: виновных солдат расстреляли в присутствии соплеменников убитых, которые удовлетворились этим.

В тот же день, 6 июля 1669 года, 24 французских путешественника на каноэ отправились вверх по реке Св. Лаврентия. К ним присоединились в качестве проводников и индейцы сенека на двух каноэ.

С самого начала стало ясно, что экспедиция дурно подготовлена: ни у кого не было опыта выживания в лесах, трудно было сориентироваться на местности, – Кавелье оказался столь же посредственным астрономом, как Галине – картографом. Последний в записках признавал собственную некомпетентность, но при этом отмечал: «Господин Кавелье заявлял, что он прекрасно понимал [язык] ирокезов, и узнавший все благодаря прекрасному владению их языком, не знал его вообще, и затеял это путешествие почти вслепую, не имея представления, куда направляется». В качестве переводчика им приходилось использовать одного голландца, который плохо говорил по-французски.

После многих дней пути они 2 августа достигли озера Онтарио, а шесть дней спустя – границы земель индейцев сенека (входивших в союз «пяти племен», которых французы называли «ирокезы»). 10 августа на реке Каронгуа они встретились с группой туземцев, которые пригласили французов в свою деревню, на что последние охотно согласились – им очень нужен был проводник. По такому случаю, индейцы устроили большой совет, но, выказывая дружелюбие, под разными предложениями не спешили пропускать гостей дальше, – в земли своих врагов. Так прошел месяц, Кавелье и его спутников выручил ирокез, возвращавшийся домой. Он вызвался проводить белых людей в свою

твии использовать как торговую факторию) первоначальным владельцам, с намерением исследовать земли на юго-западе.

Имея средства и разработав план экспедиции, Кавелье представил его губернатору Монреала Курселю, который уговорил его объединиться с сульпицианцем – отцом Долье де Кассоном¹. Последний был не прочь проповедовать туземцам, но не был склонен полагаться на «несколько переменчивый» нрав Кавелье. Он порекомендовал включить

в состав экспедиции дьякона Бриана де Галине, «имевшего представление о математике, и некоторым образом способного нарисовать карту».

Поначалу казалось, что момент для начала экспедиции был выбран неудачно: трое солдат гарнизона убили вождя племени сенека, а вскоре три других француза умертвили несколько индейцев-онейда, чтобы завладеть их мехами, и скрылись. Запахло очередной войной, но власти в Монреале сработали быст-

¹ В прошлом кавалерист, служивший под началом маршала Тюренна. Человек большого мужества и не меньшей физической силы, оставивший после себя «Историю Монреала».

Старый форт Лашин, выросший немного позднее на участке земли, принадлежавшем Ла Салю.
Рисунок XVIII в.

Кавелье оказался столь же посредственным астрономом, как Галине – картографом. Последний в записках признавал собственную некомпетентность, но при этом отмечал: «Господин Кавелье заявлял, что он прекрасно понимал [язык] ирокезов, и узнавший все благодаря прекрасному владению их языком, не знал его вообще, и затеял это путешествие почти вслепую, не имея представления, куда направляется».

деревню, где они могли легко найти проводника до реки Огайо через озеро Эри, – более удобный путь, чем, по его словам, минуя территорию индейцев сенека.

Двигаясь вдоль южного берега озера Онтарио, французы достигли западной его оконечности – бухты Берлингтон. Здесь руководителя экспедиции свалила лихорадка, – возможно, из-за того, что для лагеря была выбрана нездоровая местность (впоследствии Кавелье не раз ошибался подобным образом), хотя Галине указывает другую

Скупка пушнины у индейцев. ➔

Фрагмент «Точной карты Новой Франции», созданной священником-иезуитом Франческо-Джузепе Брессани в 1657 г. Государственный архив Канады.

Карта Брессани – одна из самых точных ранних карт, на которых изображена область Великих озер.

причину, – трех больших гремучих змей, встретившихся ему на тропинке и перепугавших его.

24 сентября они встретились с Адриеном Жолье (братом знаменитого Луи), который возвращался из путешествия по землям

индейцев оттава². Он рассказал сульпицианцам про большое племя потавотоми, не слышавших «слова Божия». Те вспомнили про свою проповедническую миссию и отправились на поиски «необращенных» туземцев, благо оба знали язык оттава.

² По другим сведениям, это был сам Луи Жолье, который безрезультатно пытался найти залежи меди на озере Верхнем и теперь шел к озеру Онтарио.

Наперегонки! (Торговцы пушниной на пути в индейский лагерь). Худ. Фредерик Ремингтон. Историческое общество Висконсина.

Справедливости ради следует поведать о дальнейшей судьбе Кассона и Галине. Они достигли озера Эри, бурного в это время года. На берегу они построили хижину с углублением для алтаря и, для поддержания духа, служили мессу трижды в неделю. Пищей им служили каштаны, орехи, сливы

и виноград; не чурались святые отцы и дичи. Перезимовав, они водрузили здесь крест с гербом Франции, обосновывая притязания своей страны на эти земли, и продолжили путешествие. С огромными трудностями они достигли мыса Пили (сейчас – крайняя южная точка Канады) и, изможденные, за-

Двигаясь вдоль южного берега озера Онтарио, французы достигли западной его оконечности – бухты Берлингтон. Здесь руководителя экспедиции свалила лихорадка, – возможно, из-за того, что для лагеря была выбрана нездоровая местность (впоследствии Кавелье не раз ошибался подобным образом), хотя Галине указывает другую причину, – трех больших гремучих змей, встретившихся ему на тропинке и перепугавших его.

Внизу:

Карта исследований французами района озера Мичиган в XVII веке.

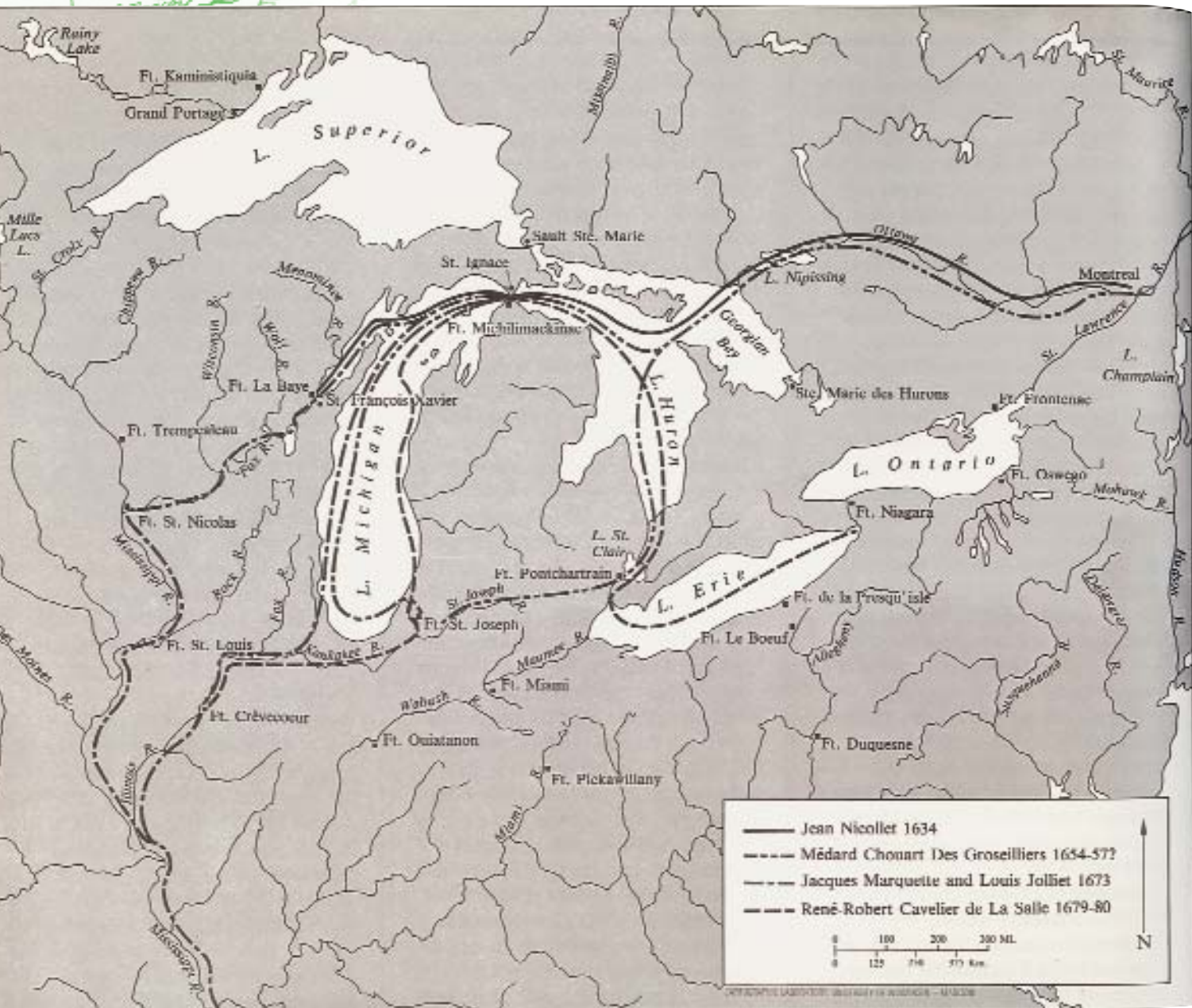

снули прямо на берегу. Штормом смыло их багаж, в том числе и предметы культа. Потерю их они переживали особенно тяжело, видя в этом козни дьявола.

Посему они решили отказаться от своих первоначальных планов принести слово Божие индейцам потавотоми и вернуться в Монреаль. Неподалеку от нынешнего Детройта они увидели индейского идола (камень, покрытый краской) и, не пожалев времени, сил и одного из своих топоров, разрушили его, а самый большой кусок вывезли на глубокое место и утопили. Их дальнейший путь хорошо известен: через

озеро Гурон до залива Георга, затем к Су-Сент-Мари, где они застали иезуитов, отцов Даблона и Маркетта. Приняли их хорошо, но в скором времени неприязнь между членами двух орденов дала себя знать. Посему Кассон и Галине двинулись дальше и 18 июня 1671 года были уже в Монреале.

Итак, 30 сентября или 1 октября, после мессы, отслуженной сульпицианцами неподалеку от нынешнего города Гамильтон, экспедиция разделилась. Кавелье заявлял, что «по состоянию здоровья» возвращается в Виль-Мари. Несколько его людей так и сделали, но сам он продолжил странствия

Луи де Бюад, граф де Фротенак е де Палюо.
Скульптор Л.-Ф. Эбер. 1880-е гг.

в компании индейца-шайена Ника, проводника и переводчика. Где именно они побывали, неизвестно. Никола Перро, известный путешественник и переводчик, утверждал, что летом 1670 года видел Кавелье, охотящегося на реке Оттава, у водопада де Ша (Кошачий). В этом случае Кавелье никак не может считаться первооткрывателем реки Огайо: ему бы просто не хватило времени добраться туда и вернуться в Монреаль в конце лета – осенью 1670 года.

Интендант Талон поручил ему искать путь в Мексику. Считается, что осенью 1671 года Кавелье и Ника (сопровождая его во всех остальных экспедициях и побывавший с ним во Франции) с группой лесных бродяг прошли на челнах по озерам Эри и Гурон к западному берегу озера Мичиган – в этих водах еще не плавал никто из европейцев. Идя вдоль побережья на юг, они добрались до южного конца озера Мичиган. После недолгих поисков отряд перебрался на реку Иллинойс, и по ней они достигли реки Миссисипи у 39° с. ш.

На обратном пути весной 1672 года Кавелье поднялся по Иллинойсу и его левому притоку Канкаки до истоков и через короткий волок перешел на речку, впадающую в озеро Мичиган у 42° с. ш. Обследовав все восточное побережье Мичигана, он вернулся в восточную Канаду в конце 1672 года.

Впрочем, доказательств этого нет (сохранилась лишь запись, что в августе 1671 года Кавелье был в Монреале – искал деньги на экспедицию), а труды аббатов Эзеба Рендо и Клода Берну неточны и тенденциозны.

Экспедиция разделилась. Кавелье заявлял, что «по состоянию здоровья» возвращается в Виль-Мари. Несколько его людей так и сделали, но сам он продолжил странствия в компании индейца-шайена Ника, проводника и переводчика. Где именно они побывали, неизвестно. Никола Перро, известный путешественник и переводчик, утверждал, что летом 1670 г. видел Кавелье, охотящегося на реке Оттава, у водопада де Ша (Кошачий).

Ла Саль обращается с просьбой к Людовику XIV.
Гравюра по рисунку Адриена Моро.

Герб Робера Кавелье, сьера де Ла Салья. →

Сам Кавелье «почему-то» умолчал в ту пору о своем открытии; из его бумаг явствует, что до конца 1670-х годов он не знал дороги до Миссисипи. Лучшим же подтверждением ошибочности легенды о Кавелье как первооткрывателе Миссисипи является то, что на ее поиски в конце 1672 году были посланы Луи Жолье и отец Маркетт.

В 1672 граф Фронтенак, губернатор Новой Франции, обратился к Ла Салю с предложением обсудить планы расширения колонии. В первую очередь предстояло построить на озере Онтарио форт Катаракуи – дальний форпост для отражения вылазок индейцев и базу для будущих экспедиций. Строительство, которым руководил Кавелье, было закончено в 1673 году.

Чем же он, человек небогатый и незнатный, смог заинтересовать аристократа и королевского наместника? По воспоминаниям современников, Кавелье был высок ростом – около 180 см.; широкие плечи и полные руки и ноги придавали ему вид человека, наделенного большой физической силой. Грива черных, блестящих волос и загорелое лицо делали его похожим на траппера – лесного охотника (на Руси таких людей называли промысловиками). Но за непримечательной внешностью скрывалась страстная натура искателя приключе-

Губернатор Фронтенак так характеризовал Кавелье в письме к министру Кольберу: «Это умный и образованный человек, самый способный из всех, живущих в здешнем краю... Он досконально знает положение дел в этой стране, о чем будет готов поведать, если Вы посчитаете возможными его принять». Всесильный Кольбер представил его королю, который осыпал его милостями: даровал Кавелье дворянство – он стал «господином де Ла Саль», и ввел во владение построенным под его руководством укреплением.

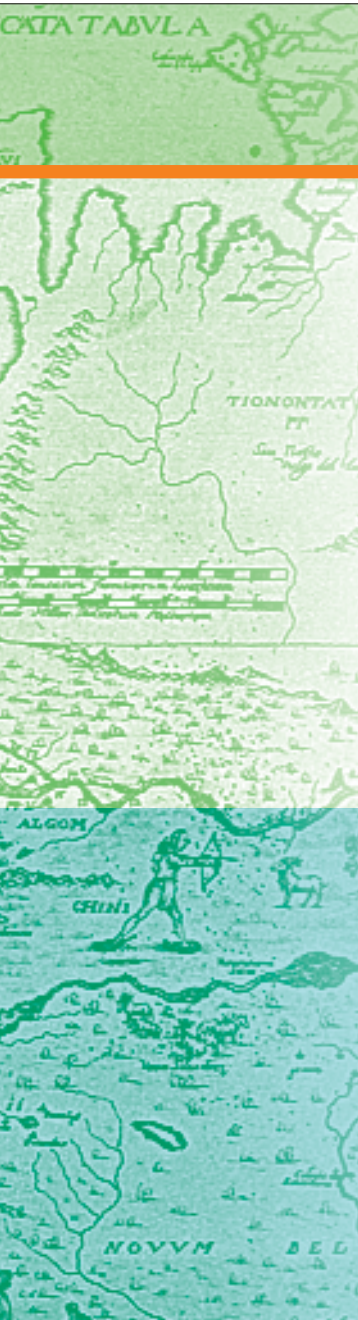
чений; его выдавали глаза, – и не их цвет или размер (они были большими и черными), а взор из-под нависших бровей, – «взгляд гончей». Современники считали Ла Салю гордым, холодным, беспощадным человеком, а губернатора – властным, своенравным и вспыльчивым; при этом оба были людьми образованными, энергичными и решительными. Путешественник и губернатор, таким образом, были «два сапога пара», дополняя друг друга.

В свою очередь, Кавелье поделился с графом Фронтенаком своим грандиозным замыслом проследить все течение Миссисипи и присоединить ее бассейн к владениям французского короля. Он смог заинтересовать губернатора Канады и получил от него рекомендательные письма к морскому министру и другим влиятельным лицам. С ними он отправился во Францию, чтобы выхлопотать королевский патент на открытия в Новом свете.

Губернатор Фронтенак так характеризовал Кавелье в письме к министру Кольберу: *«Я имею честь рекомендовать Вам господина де Ла Салю. Это умный и образованный человек, самый способный из всех, живущих в здешнем краю (Канаде – А.С.) ... Он досконально знает положение дел в этой стране, о чем будет готов поведать, если Вы посчитаете возможными его принять»*. Всесильный Кольбер представил его королю, который осыпал его милостями: даровал Кавелье дворянство – он стал «господином де Ла Саль», и ввел во владение построенным под его руководством укреплением (после того как Ла Саль пообещал содержать его за свой счет и возместить короне затраты на строительство³).

Вернувшись в Канаду, Кавелье не задержался в Квебеке, и скоро вновь отправился в форт Катаракуи, на сей раз – во главе целой лодочной флотилии. С ним плыли торговцы, солдаты и матросы, каменщики

³ Деньги на это (свыше 34.000 франков) выделили родные Ла Салю, почувявшие большие барыши. Всего же предпрятия Ла Салю 1678-1683 гг. обошлись им в полмиллиона франков.

Выполняя поручение Кольбера, наш герой в короткие сроки смог превратить неказистое сооружение, окруженное частоколом, в мощное по колониальным меркам укрепление: три из четырех стен в метр толщиной и четыре метра высотой были сложены из тесаного камня; земляной вал стал в два раза выше, форт окружил пятиметровый ров с водой. На пространстве 30x30 м. располагались: караульное помещение, казармы для солдат и домик для офицеров и хирурга, колодец, коровник, мельница и пекарня.

Слева:

Форт Фронтенак в Катаракти.
Фрагмент карты 1685 г.

Внизу:

Ла Саль в форте Фронтенак.
Худ. Пол Стрейер.

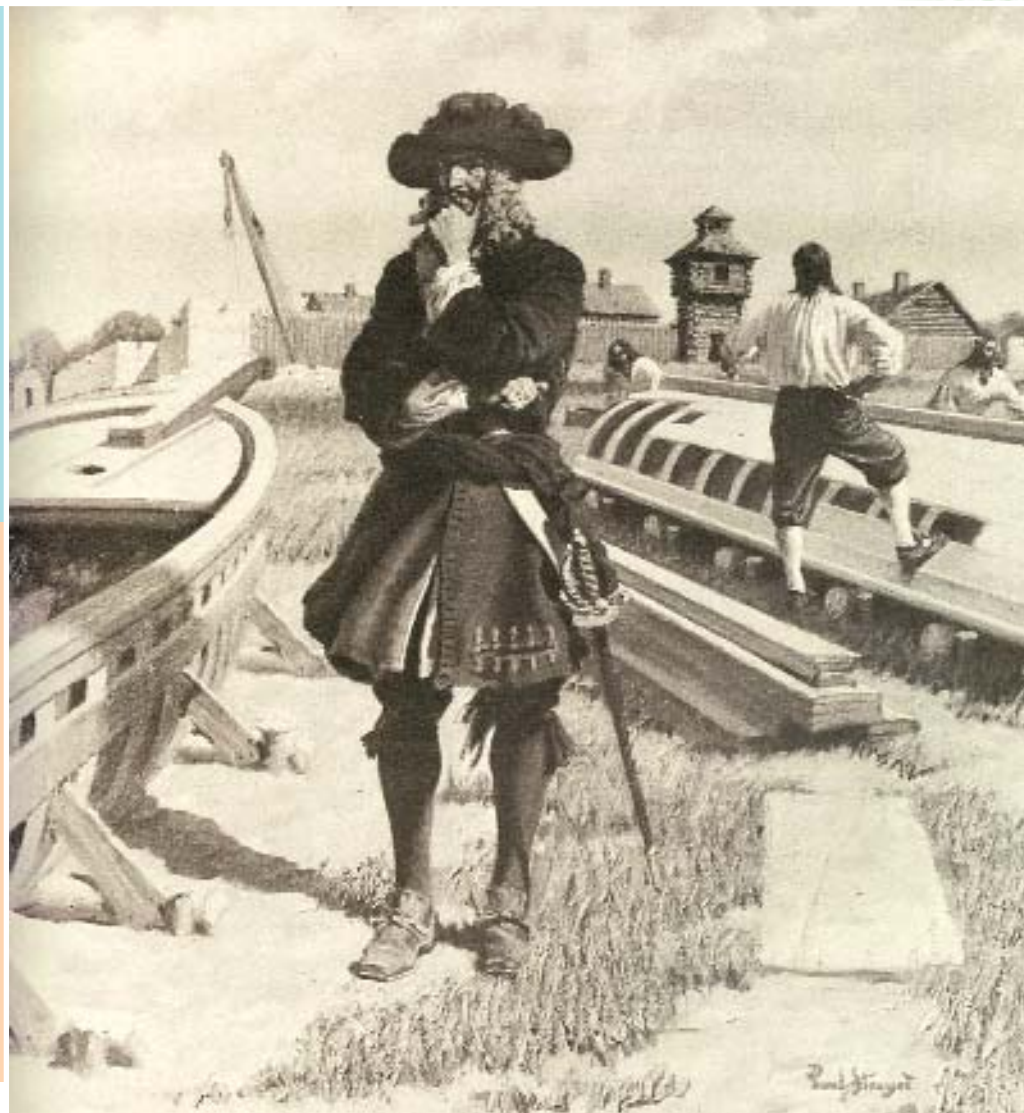
и плотники, даже кузнец с оружейником; каноэ были нагружены не только товарами, но и строительными материалами.

Выполняя поручение Кольбера, наш герой в короткие сроки смог превратить неказистое сооружение, окруженное частоколом, в мощное по колониальным меркам укрепление: три из четырех стен в метр толщиной и четыре метра высотой были сложены из тесаного камня; земляной вал стал в два раза выше, форт окружил пятиметровый ров с водой. На пространстве 30x30 метров располагались: караульное помещение, казармы для солдат и домик для офицеров и хирурга, колодец, коровник, мельница и пекарня. Для обеспечения гарнизона продовольствием был отведен участок земли в 40 гек-

таров под посевы. К югу располагались поселок колонистов и индейская деревня.

Обновленный форт был назван в честь губернатора. Он стал первым из планировавшейся цепи аванпостов на западных рубежах Новой Франции, призванных помешать английской экспансии и подорвать «меховую» монополию монреальских купцов. Управляя своим фортом, Ла Саль разбогател на торговле пушниной, получая до 25.000 ливров в год, но это не остудило его одержимости неизведанными землями к югу. Он предпочитал дела опасные, в которых можно было «честь добыть».

После завершения строительства, в 1677 году Ла Саль вновь едет на встречу с «королем-солнцем». Его отчет о проделанной работе

Руины Старого форта Фронтенак. На заднем плане – Новый форт Фронтенак, построенный англичанами в 1783 г.

Внизу:
Колонисты Новой Франции. Худ. Франсуа Бак.

был принят благосклонно, но Кавелье хотел большего. Он ходатайствовал о разрешении на строительство двух сооружений: одного на озере Эри, другого – у оконечности озера Иллинойс (Мичиган); стать владельцем «расчисток под посевы, которые индейцы захотят покинуть по доброй воле, что с ними иногда случается», и губерна-

⁴ Автор известных «Мемуаров». Есть мнение, что он мечтал стать епископом открытых Ла Салем земель.

⁵ Внук Теофраста Ренодо, основателя «Газетт де Франс», традиционно считающейся первой европейской газетой в современном понимании этого слова. Внук, продолжатель его дела, известен как востоковед и переводчик, член Французской Академии.

A South East View of Cataragui on Lake Ontario, taken in August 1783

Катараки на озере Онтарио. 1783 г. Худ. Джеймс Пичи. Акварель. Государственные архивы Канады.

«Непомерные» амбиции нашего героя не давали покоя его недоброжелателям, считавшим, что «место Ла Саля – в сумасшедшем доме». Вопреки такому мнению, Ла Салю предоставили (сроком на пять лет) право исследовать всю западную часть Североамериканского континента в пределах, ограниченных самой Новой Францией и тогдашними владениями испанской короны – Флоридой и Мексикой.

тором тех стран, которые он откроет в будущем.

«Непомерные» амбиции нашего героя не давали покоя его недоброжелателям, считавшим, что «место Ла Саля – в сумасшедшем доме». Вопреки такому мнению, и благодаря поддержке аббатов Берну⁴ и Ренодо⁵, 12 мая 1678 года Ла Салю предоставили (сроком на пять лет) право исследовать всю западную часть Североамериканского континента в пределах, ограниченных самой Новой Францией и тогдашними владениями испанской короны – Флоридой и Мексикой, разрешение на строительство за свой счет бревенчатых укреплений, а также монопольное право на торговлю шкурами буйволов.

Продолжение следует